

18+

Станислав Белковский

12

Ангедония. Проект Данишевского

Станислав Белковский

12/Брейгель

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

Белковский С. А.

12/Брейгель / С. А. Белковский — «Издательство АСТ»,
2019 — (Ангедония. Проект Данишевского)

Эта книга – результат творческих усилий и изысканий политолога и писателя Станислава Белковского в 2018 году. Пьеса «12» была написана специально к 100-летию Большого драматического театра имени Георгия Товстоногова, отмечавшемуся в марте нынешнего года. Она посвящена личности его сооснователя и первого художественного руководителя Александра Блока. Повесть «Брейгель» – о необычайных похождениях-приключениях полного тезки и двойника автора, политического консультанта на пенсии, живущего в столице, в районе культовых Патриарших прудов. Герой стремится во что бы то ни стало попасть в Вену на выставку Питера Брейгеля-старшего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© Белковский С. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

12	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Станислав Белковский

12. Брейгель

© Станислав Белковский, текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

12

Дорогие друзья.

Эта книга – результат моих усилий и изысканий 2018 года.

Пьеса «12» была написана специально к 100-летию Санкт-Петербургского Большого драматического театра (БДТ) имени Георгия Товстоногова, отмечавшемуся в марте 2019 года. Внезапно я вспомнил – впрочем, это везде написано, просто «мы ленивы и нелюбопытны» (с), – что сооснователем и первым главой художественного совета был Александр Блок. Я поступил просто и цинично. Взял фрагменты нескольких пьес Блока, его стихи, разбавил их своими собственными измышлениями – впрочем, в изрядном количестве, заправил наиболее скандальными моментами из «порнографических» (по мнению Анны Ахматовой) мемуаров жены Блока Любови Дмитриевны Менделеевой, посыпал цитатами из Ивана Бунина, который Блока ненавидел, залил все это сверху завещанием Людвиг ван Бетховена – и блюдо готово. Подобно мести, его нужно употреблять холодным. Цитаты из Блока / Менделеевой / Бунина / Бетховена не так просто отделить от моего собственного текста (это я хочу дать понять, что мои пассажи так хороши, что их легко можно перепутать с творчеством великих), но Вы, мой читатель, блестяще справитесь, я не сомневаюсь.

«Брейгель» – первая повесть из цикла о необычайных похождениях – приключениях Стасика Белковского. Спившегося и обанкротившегося политического консультанта на пенсии, живущего в Москве, в районе культовых Патриарших прудов. Стасик очень хочет совершить невозможное – попасть на легендарную выставку Питера Брейгеля-старшего, которая проходила с осени 2018-го по 13 января 2019 года в Вене, в Музее истории искусств. Для этого нужны деньги, и вот Белковский влезает в целую серию авантур, чтобы их раздобыть. Заканчивается всё счастливо: отставной политконсультант таки добирается в Вену в последний день выставки. Но дальше происходит некое невероятное событие, которое переворачивает ход вещей. Какое – узнаете, прочитав моего «Брейгеля». Отдельно рассказана история любовных отношений Стасика с Гретой и Лаурой – публикуется впервые.

Я очень рассчитываю на Ваше благосклонное внимание к моим сочинениям.

Всегда Ваш,

Станислав Белковский

Комедия в N действиях

Действующие лица

Иисус.

Автор.

Другой.

Прекрасная Дама.

Екатерина.

Пётр (апостол, пьян).

Иван (апостол, трезв).

Андрей (апостол, отчасти трезв).

Старуха.

Сын.

Доктор Альфред Розенберг.

Гамлет.

Офелия.

Красноармейцы (8–9).

Проститутки (5–6).

Хор – совместное предприятие красноармейцев и проституток.

Голос из хора.

Действие происходит в Петрограде и других отдельных местностях / временах.

Голос из хора. Другой. Пётр. Старуха. Андрей.

Голос из хора.

Чёрный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер –

На всем Божьем свете!

В зале дует реальный ветер, на сцену и зрителей обрушивается снег.

Другой.

Серые зимние сумерки в Москве. Февраль. Еду на Лубянку, за эти годы снова так прославившуюся. Стою на площадке трамвая. Возле меня стоит, покачивается военный курьер. Казённый фельдъегерь. Разве вагон качает? Нет, к общему и большому удивлению, курьер основательно пьян. В военное время, с какими-то лиловыми пакетами в руках, – и пьян. И всё щурится, ядовито, как-то весело и горестно ухмыляется, водит глазами, ищет собеседника.

Пётр.

А позвольте спросить... Вот вы, конечно, интеллигентный человек и прочая и прочая. А позвольте спросить, как говорится, вопрос.

Другой.

Насчёт чего?

Пётр.

А вот насчёт чего: где именно в Москве фонарь номер первый? Не сочтите это за придирку, а просто... ответьте.

Другой.

Ничего не понимаю. Какой фонарь?

Пётр.

А вы не лукавьте, не виляйте, сделайте милость. Я вас очень просто спрашиваю, ставлю вопрос ребром: где именно в Москве номер первый?

Другой.

К великому моему сожалению, понятия не имею.

Пётр.

Эх, вы, защитники народа, передовая, блядь, интеллигенция. Так и знал, что ни хуя не знаете. А у кого в Москве велосипед номер первый? Тоже, конечно, не знаете. А ведь послушай вас: мы, мол, такие, сякие, мы соль земли и тому подобное, прочая и прочая! Ну, да ничего, скоро пойдёт музыка другая, узнаете...

Старуха (*пытается войти в автобус с гробом*).

Господин кондуктор! Господин кондуктор! У вас в автобусе с покойничками пуцают?

Андрей.

А что же покойник – во гробе?

Старуха.

Во гробе, сыночек.

Андрей.

А сам ходить не может?

Старуха.

Не может. Деточка моя. Нет, так-то может. Стомился только слишком. Ночь была беспокойная. Не спали почти.

Андрей.

Ладно, пусть будет. Хлипкий нынче покойник пошёл. Ленивый. У нас такого не было. Три дня – и весь как новенький. На своих двоих. Даже гроб не заказывали. Тебе, старая, 63 уже будет?

Старуха.

Да разве не знаешь, Андрюша, сколько мне нынче? Не узнаёшь?

Пауза.

Пётр.

Покойнички! Кутья, венчики, во блаженном успении. Ну, да ничего, скоро уж, скоро. Будет вам хорошая музыка!

Показывает пальцем в небо, откуда звучит Вагнер – «Полёт Валькирий».

Другой.

Так услышал я про эту музыку – от курьера. А раньше ещё слышал – от Блока. Слушайте, типа, слушайте музыку революции! Революции здесь хотят всегда те, кого она первым убьёт. Впрочем, Блок был дурак, ему можно.

Панихида.

На сцене – гроб с телом Автора.

Иван. Андрей. Старуха. Доктор Розенберг. Прекрасная Дама. Пётр. Сын. Другой. Хор.

Иван.

Товарищи! Братья и сёстры! Я никогда не встречал человека, настолько чуждого лжи и притворству. Главная черта его личности – необыкновенное бесстрашие правды. Он сказал себе раз и навсегда, что нельзя бороться за всенародную, всемирную правду – и притом лгать хоть в какой-то мелочи. Совесть общественная сильна лишь тогда, когда она опирается на личную совесть, – об этом Александр Александрович говорил не раз.

Читая его критические статьи и рецензии, я, даже не соглашаясь с ними, всегда восхищался их бесстрашной правдивостью, доведённой до крайности. В этих статьях он никогда не боялся вынести даже лучшему другу беспощадный смертный приговор. Конечно, друг становился врагом, но Блока это никогда не тревожило.

Даже из сострадания, из жалости он не счёл себя вправе отклониться от истины. Говорил её с трудом, как принуждаемый кем-то, но всегда без обиняков, откровенно.

Может быть, все это мелочи, но нельзя же делить правду на большую и маленькую. Именно потому, что Блок привык повседневно служить самой маленькой, житейской, скромной правде, он и мог, когда настало время, встать за правду большую.

Много нужно было героического правдолюбия ему, аристократу, эстету, чтобы в том кругу, где он жил, заявить себя приверженцем нового строя. Он знал, что это значит для него – отречься от старых друзей, остаться одиноким, быть оплётанным теми, кого он любил, отдать себя на растерзание своре бешеных газетных борзых, которые ещё вчера так угодливо виляли хвостами, но я никогда не забуду, какой счастливый и верующий он стоял под этим ураганом проклятий. Сбылось долгожданное, то, о чём пророчествовали ему кровавые зори. В те дни мы встречались с ним особенно часто. Он буквально помолодел и расцвёл. Оказалось, что он, которого многие тогдашние люди издавна привыкли считать декадентом, упадочником, словно создан для борьбы за социальную правду.

«Только правда, – как бы она ни была тяжела, легка, – “легкое бремя”, – писал он в своём дневнике. – Правду, исчезнувшую из русской жизни, возвращать – наше дело».

Андрей.

Как должно быть сейчас стыдно тем, кто по поводу «Двенадцати» вопили, что Блок продался большевикам. Блок, который умер от цинги, от голодухи, умер от советского режима. Мы можем сказать прямо: убийца Александра Александровича Блока – Владимир Ильич Ленин. В число кроликов, над которыми производился эксперимент, по несчастной случайности попал один из величайших русских лириков – Александр Блок.

Со злобой предвидишь, что власть устроит ряд демонстраций у свежей могилы Александра Блока. Как возле Кремлёвской стены, как близ святынь Ясной Поляны – будут шумные доказательства коммунистической агитации и пропаганды. Он был наш! – будут уверять они, ссылаясь на отдельные места из «Двенадцати» и «Скифов». Нет, он не был ваш. Он был умучен вами.

О, как смутил этот Иисус Христос! Как дал он одним с восторгом зачислить Блока в свой большевистский лагерь, другим обрушиться на него. Когда-то мне тоже казалось, что Христос, идущий впереди красногвардейцев, обличает Блока. Но – прошли годы, перечитываю, читаю снова «Двенадцать», и кажется, что слишком просто и прямолинейно пристегивать к поэту большевизм. Разве такими линиями и красками рисовал бы он Русь и апостолов, если бы был с ними? Блок – это «новая тяжкая жертва, принесённая злым духом большевизму». Все те, кто не потерял способности чувствовать, живя среди ужасов нашей России, знали, с кем Блок, ходивший последние дни жизни без рубашки, с поднятым и заколотым воротником пиджака. Он умер, каким жил, одиноким, замкнутым и гордым.

Старуха.

А как там мой Сашенька? Моя деточка? Не простудился ли? В гробу, говорят, иней, отопление на лето отключают. Дураки они. Какое ж у нас лето? Это зима везде такая, как у нас лето. Чего ж отопление-то выключать? Я-то мандаринчиков только ему добыла, да поздно стало. Это всё актриса его погубила. Спектакли, репетиции, репетиции, спектакли. Не до мужа ей было. Стирать правильно не могла. Ведро вовремя не выносила. Тряпки грязные всегда. А наш-то город смертью пахнет, с рождения. Цинга, чахотка, что поделаешь.

Доктор Розенберг.

Не стеснитесь, мадам. Здесь панихида, а не стенд-ап-шоу. Все знают, отчего умер Блок. От сифилиса – вот отчего. 317 проституток у него было за всю жизнь. Данные объективных измерений Наблюдательного департамента. Сифилис, как известно, убивает мозг. Вот после «Скифов» он ничего приличного и не написал.

Пауза.

Прекрасная Дама.

Во вторник, когда я пришла откуда-то, он лежал на кушетке в комнате. Александр Александрович позвал меня и сказал, что у него, вероятно, жар; смерили – оказалось 37,6. Уложили его в постель. Вечером был доктор. Ломило все тело, особенно руки и ноги – что у него было всю зиму. Ночью был плохой сон, испарина, нет чувства отдыха утром, тяжёлые кошмары – это его особенно мучило. Вообще состояние его психики – мне казалось сразу ненормальным. Хотя уловить явных нарушений было нельзя. Когда мы говорили с ним об этом, мы так формулировали в конце концов: всегдашнее Сашино нормальное состояние – уже представляет громадное отклонение для простого человека. И в том – была бы уже болезнь, его смены настроения – от детского веселья к мрачному, удручённому пессимизму, несопротивление, никогда, ничему плохому, вспышки раздражения, с битьём мебели и посуды. После них прежде он как-то испуганно начинал плакать, хватался за голову, говорил: «Что же это со мною? Ты же видишь!» – в такие минуты, как бы он ни обидел меня перед этим, он сейчас же становился ребёнком для меня. И я уже не могла обижаться.

В нём возникла страшная раздражительность, отвращение ко всему – к стенам, картинам, вещам, ко мне. Раз как-то утром он встал и не ложился опять, сидел в кресле у круглого столика около печки. Я уговаривала его опять лечь, говорила, что ноги отекут – он страшно раздражался с ужасом и слезами: «Да что ты с пустяками! Что ноги, когда мне сны страшные снятся, видения страшные, если начинаю засыпать...», при этом он хватал со стола и бросал на пол всё, что там было, и большую голубую кустарную вазу, которую я ему подарила и которую он прежде любил, и своё маленькое карманное зеркало, в которое он всегда смотрелся, и когда брился, и когда на ночь мазал губы помадой или лицо борным вазелином. Зеркало разбилось вдребезги. Я не смогла выгнать из сердца ужас, который так и остался, притаившись на дне, от этого им самим нарочно разбитого зеркала. Я про него никому не сказала, сама тщательно всё вымела и выбросила.

Пауза.

Старуха всё на меня жаловалась Саше: «Обидела, Люба меня ненавидит...» Если бы знать, если бы понимать, что имеешь дело с почти сумасшедшей, во всяком случае, с невменяемой, можно было бы просто пропустить всё мимо ушей и смотреть как на пустое место. Но Саша принимал свою мать всерьёз, и я за ним тоже. Насколько это было ошибочно, пока-

жут будущему внимательному исследователю её письма. Горя эта ошибка принесла и Саше, и мне очень много. И для меня большое облегчение, что я могу сложить с себя обязанность судить этот восемнадцатилетний спор между нами тремя. Я предпочитаю передать его ученикам Фрейда.

Доктор Розенберг.

У Александры Андреевны чистейшая проекция, поверьте. Она не может себе простить, что разошлась с отцом Блока. Её другой муж-генерал был полное ничтожество. И она завидовала Менделеевой, что у той отец Менделеев. Большой, всемирный учёный. Про разницу водорода и гелия. Не то что наш мелкопоместный солдафон.

Прекрасная Дама.

И потому, что бы ни случилось с нами, как бы ни теряла жизнь, – у нас всегда был выход в этот мир, где мы были неизбежно неразлучны, верны и чисты. В нём нам всегда было легко и надёжно, если мы даже и плакали порой о земных наших бедах.

Когда Саша заболел, он не смог больше уходить туда. Ещё в середине мая он нарисовал карикатуру на себя – оттуда – это было последнее. Болезнь отняла у него и этот отдых. Только за неделю до смерти, очнувшись от забытья, он вдруг спросил на нашем языке, отчего я вся в слезах – последняя нежность.

Пётр.

А меня Сан Саныч любили. Только почему-то всегда Семёном называли. Я и говорю: «Барин, Пётр я, не Семён». Но я не завсегда ему говорил. А только когда он водочки накушается. Тогда сначала добрый был. Когда винищем отлакирует – уже снова злой. А сначала, если граммов триста-четыре – добрый. Он отвечал мне. Он подмечал меня. Говорил: «Может ты, сука, когда Петром и стал, но отродясь ты полный как есть Семён. Я всех помню, кто в усадьбе родился». Как же ты помнить можешь, ваше высочордие, если ты вечно бухой? А брат мой Андрюха тогда сказал: «Может, ты сын его внебрачный? Он же до того, как на блядей перешёл, всё больше крестьянками баловался». Я и подумал. Если я внебрачный сын... Можно же, говорят, теперь как-то доказать. Анализ сделать. И тогда я получу наследство. Всю усадьбу получу. Продам и уеду насовсем в Питер. И там заживём. Андрюхе ещё останется. Детей у барина всё равно нет. А Любку и травануть можно. Её вон старшая барыня как ненавидит!

Сын.

Благодаря папе я часто ездил за границу. По двадцати раз в году, наверное. Меня всегда отправляли то в Африку, то в Южную Америку. А иногда и в Европу, в Италию, где отец так любил гулять. Мне дали квартиру на «Аэропорте», и я привозил туда из поездок экзотические вещи. То эбонитовый секретер, то электрический мини-бар. Я был один из немногих русских писателей, кто умел правильно пить мартини и кампари одновременно. Но я никогда никому не раскрывал, что я сын Александра Александровича. Это было нельзя, запрещено, табу. Ведь официально, по Большой советской энциклопедии, у Блока не было детей. Он не мог иметь детей. Он любил революцию и Прекрасную Даму. В такой последовательности: сначала революцию, потом Прекрасную Даму. И все ценили меня за мою верность тайне. Потому юбилей мой, 50 лет, отмечали мы в ЦДЛе, в Дубовом зале. И пришли даже Нагибин с Евтушенко. Вы представляете. А Светлов, Михал Аркадьич, эпиграмму мне написал: «Его шекспировские страсти посвящены советской власти». Думал – про отца, а это – про меня. Спасибо, товарищ Блок. Я не видел тебя никогда. Но всегда знал, что ты рядом. Жаль, что так грустно встретились.

Доктор Розенберг.

А эпиграмма разве светловская? Вы ничего не путаете?

Сын.

Нет, вы всё-таки очень далеки от нашей жизни. Не представляете, каких трудов стоит организовать такой банкет. Год жизни убит, уверяю вас! Да, приходится отмечать на полгода позже. Но лучше поздно, чем никогда! Учитесь жить, молодой человек!..

Пётр.

А я ведь по пьяни библиотеку его поджёл. Там, у нас, в Шахматове. Кому она всё равно на хер нужна? В наше время книжки никто не читает. Уже вокруг везде Интернет один. Но одну книжечку-то я спиздил, приберёг. Какая-то сирийская Библия. Мне Сан Саныч рассказывал, когда русские войска из Сирии уходили, их в дорогу Библией нагрузили. Стоит тыщ 50, а то и 100. Пока что заложил её в кабаке под ящик водяры. Но после похорон – заберу обязательно. Заживём. Это наша страна. Спи спокойно, Сан Саныч. Никого не бойся. Я тебя постерегу. В могиле тебя никто не тронет. Я гарантирую. Я, твой Семён и Пётр. Прощай, милый. Я плачу. Ты слышишь, ёксель-моксель, как я плачу? Или ещё погромче дать?

Иван.

Жалейте и лелейте своего будущего ребёнка; если он будет хороший, какой он будет мученик, – он будет расплачиваться за всё, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Другой.

Любезные дамы и господа! Сегодня мы провожаем в последний путь российского сочинителя, поэта Александра Блока. Автора короткого текста, известного как «Двенадцать».

Как мы с вами хорошо знаем, после так называемой Октябрьской революции, устлавшей русскую землю миллионами трупов, Блок, нимало не смущаясь, пошёл в услужение к новой власти. К большевикам. Он стал личным секретарём их министра культуры, написал брошюру «Интеллигенция и Революция», принялся требовать: «Слушайте, слушайте музыку революции!» И вымучил этот свой памфлет, написав в своём дневнике для потомства очень жалкую выдумку: будто он сочинял «Двенадцать» как бы в трансе, всё время слыша какие-то звуки – шумы падения старого мира.

Он с пеной на цинготных губах уверял нас, что русский народ был совершенно прав, когда в прошлом октябре стрелял по соборам в Кремле, доказывая эту правоту такой ужасающей ложью на русских священнослужителей, которой я просто не знаю равной: «В этих соборах, говорит он, толстопузый поп целые столетия водкой торговал, икая».

Почему Святая Русь оказалась у Блока избяной, да ещё и толстозадой? Очевидно, потому, что большевики, лютые враги народников, все свои революционные планы и надежды поставившие не на деревню, не на крестьянство, а на подонки пролетариата, на кабацкую голь, на босяков. На всех тех, кого упырь Ленин соблазнил полным разрешением «грабить награбленное». И вот Блок пошло издевается над этой избяной Русью, над Учредительным собранием, которое они обещали народу до октября, но разогнали, захватив власть, над предпринимателем, над обывателем, над священником.

«Двенадцать» есть набор стихов, частушек, то будто бы трагических, то плясовых, а в общем претендующих быть чем-то в высшей степени русским, народным. И всё это прежде всего чертовски скучно бесконечной болтливостью и однообразием всё одного и того же разнобразия, надоедает несметным ай, ай, эх, эх, ах, ах, ой, тратата, трахтахтах... Блок задум-

мал воспроизвести народный язык, народные чувства, но вышло нечто совершенно лубочное, неумелое, сверх всякой меры вульгарное.

А под занавес Блок дурачит публику уж совсем галиматьей. Увлёкшись какой-то шлюхой Катькой, Блок совсем забыл свой первоначальный замысел «пальнуть в Святую Русь» и «пальнул» в Катьку. Так что история с ней, с Ванькой, с лихачами оказалась главным содержанием «Двенадцати». Блок опомнился только под конец своей, с позволения сказать, поэмы и, чтобы поправиться, понес что попало: тут опять державный шаг и какой-то голодный пёс, и патологическое кощунство – сладкий Иисусик, пляшущий (с кровавым флагом, а вместе с тем в белом венчике из роз) впереди этих скотов, грабителей и убийц.

Как не вспомнить, скажу я в окончание надгробной речи, нашего учителя Фауста, приведённого подлинным Мефистофелем в «Кухне Ведьм»:

Кого тут ведьма за нос водит?
Как будто хором чушь городит
Сто сорок тысяч дураков!

Простите за внимание великодушно.

Пётр.

Привираешь, Ваше Превосходительство. Барин красивый был.

Другой.

И совсем он был не красивый! Я красивей его.

Хор.

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!

Все скользят.

Екатерина. Автор. Доктор Розенберг.

Екатерина.

Блок! Блок! Вставайте! Поднимайтесь тотчас же. Я пришла за Вами. Там начинается банкет.

Автор (*поднимая голову из гроба*).

Да, согласен, Катенька. А там – это где?

Екатерина.

Вы что, забыли? В Малой столовой. Сегодня годовщина театра. Ну Блок! Даже от вас такого разгильдяйства трудно ожидать.

Автор.

Да-да, Катенька. Нет, я не забыл. Просто вот помер как-то не вовремя. Но теперь уже всё хорошо. Я уже иду. Бегу.

Вылезает из гроба.

Екатерина.

А Вы, Блок, теперь вампир? Вы не отбрасываете тени? Дайте я посмотрю сзади.

Автор.

На тень надо смотреть спереди, она упадет назад.

Екатерина.

А я сзади, чтобы падала вперёд. Так ведь тоже годится.

Автор.

Что Вы, что Вы. Ни капельки не вампир. Ни капельки крови не вампир. А тени не отбрасываю, да. В этом городе так мало света, зачем ещё одна тень?

Доктор Розенберг.

Александр Александрович, Вы на том свете помнили мои предписания?

Автор.

О, Доктор, это вы. Здравствуйте. Помнил, ясное дело. У меня всегда ощущалась отличная память. А теперь вот ещё прояснилась, просветлилась даже. Конечно. Я не должен пахнуть как человек.

Доктор Розенберг.

Вы не должны были пробовать пищу мёртвых, вредную для живых. Гамбургеры, например.

Автор.

Вот это точно не помню, хоть убейте. Я знаю, что у живых нынче не остаётся никакой пищи. Кажется, её запретили. Особенно европейскую, из мяса и крови. Но я точно не садился и не смотрел никому в глаза, как Вы и велели.

Доктор Розенберг.

Вы ни с кем не здоровались за руку?

Автор.

Нет, что вы. Там это не аристократично. Я кланялся. Раскланивался.

Доктор Розенберг.

Тогда, представляется мне, вы добрались до дома.

Автор.

Это театр. Сюда добраться я и хотел.

Екатерина.

А третьего дня хотели напиться водки. Там у нас как раз много водки.

Автор.

Хотел. Хочу и нынче. Я всегда к этому стремился. Недаром женился на дочери изобретателя водки. Это же было бессознательное, как по Фрейдю. Из-за чего бы я ещё сошёлся с дамой, с которой совсем ничего не хотел. Но водка ангельски хороша, если только перемежать коньяком, а потом ещё, под занавес – немного белого.

Екатерина.

Там и коньяк, и вино. Дерьмовое всё, но есть. Сегодня же годовщина. Там театр. Там есть и занавес. Идёмте, Блок, идёмте скорее. Люди ждут.

Уводит Автора за руку.

Автор. Голос их хора. Вагнер. Тьма. Другой. Пётр. Андрей. Прекрасная Дама. Доктор Розенберг. Иван. Екатерина. Хор.

Автор.

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать ещё не жившим.

Голос из хора.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар.

Тьма.

Пустой гроб и обледеневший крест, свисающий с потолка.

Другой.

Ну, как банкет, дорогой вурдалак? Уже всё?

Автор.

Вампиры и вурдалаки – совсем разные люди. Я думал, вы умеете в том разбираться.

Другой.

Раньше разбирался, потом наскучило. Нынче все пьют кровь, а по какой технологии – пусть изучают другие, кому интересно.

Автор.

С банкета отвалил. Нельзя слишком много пить. К тому же скоро светает. А водка была плохая, разбавленная. Как память моя сегодня. Коньяк молдавский. Или румынский, как верней говорить? Пойло. До него и не дошло. Катенька была права. Пошёл оттуда, вот, Вас увидел.

Другой.

Вы боитесь загореться при свете? При нынешних-то перебоях с электричеством было бы полезное дело. Уже ведь и свечи кончаются, вот в чём вопрос. И спичек почти не осталось.

Автор.

А зажигалки? Их разве отменили, пока меня не было?

Другой.

Для зажигалок нет бензина. Или есть, но слишком дорогой. Белорусский.

Автор.

Белорусский – это не наш?

Другой.

Уже нет.

Автор.

А сгореть-то я не боюсь. Я боюсь огня революции.

Другой.

Вы всегда были эталонным пошляком. По вашим текстам, Блок, можно в университетах читать курс общей и специальной теории пошлости. Какой ещё огонь революции? Он не разгорается от всякого вашего дерьма. Нужно хоть какое-то качественное топливо, а его нет.

Пауза.

Вы правда решились писать пьесу об Иисусе Христе?

Автор.

Да. А откуда Вы знаете?

Другой.

Вашу почту взломали, покуда Вы изволили отсутствовать. Я читал ваши тезисы.

Автор.

Я написал её.

Другой.

Где? На том свете?

Пётр.

Жара. Кактусы жирные. Дурак Симон с отвисшей губой удит рыбу. Кактусы взаправду жирные, блядь. Ими хорошо закусывать, когда цветёт. И не важно, барин, что закусывать. Это Вам важно, нам – неважно. А рыбу я раньше любил удить. Из-под льда. Шас-то вся передохла. Есть ей нечего. Человеку всегда найдётся как переголодать. Рыбе – нет, нет. Она благородное существо, лишений не вытерпливает. А что дурак я – так правда, большой вырос, ума не вынес. Губа-то здесь при чём... Губа у меня врождённая, русская.

Другой.

Андрей Первозванный. Слоняется, не стоит на месте. Апостолы воруют для Иисуса вишни, пшеницу.

Андрей.

Апостол – как волк, барин. Вы-то апостолом не работали, а я был и остаюсь до сих. А упаковку вишни только вчера в палатке забрал, правда. Мороженой вишни. Свежей в такие дни не бывает. Пшеницу всю вытоптали, пока что. Нескоро взойдёт. Нивы не побелели и не поспели к жатве.

Другой.

Входит Иисус. Не мужчина, не женщина. Грешный Иисус. Иисус – художник. Он все получает от народа. Женская восприимчивость.

Автор.

Он стоит выше плотского. Разделения полов. Что здесь не так? А воспринимает интуитивно, как женщина, из Вселенной.

Другой.

Мать говорит сыну: неприлично. Брак в Кане Галилейской.

Автор.

Александра Андреевна всегда так говорила про Любу. Дескать, неприлично жениться на такой бабе, актрисе, к тому же толстой. Если она в двадцать лет за собой не следит, то что потом будет?! Да и отец её жулик какой-то. Химик. Никогда не говорит правды. Изобрёл якобы водку и гордится на всю жизнь. Как будто мы до него водки не пили?! И действительно: что же мы тогда пили до Дмитрия Ивановича?

А на свадьбе вино кончилось, это правда. А был уж самый канун полуночи, когда спиртное не продают. И в магазинчике подле Казанского разливали полусухое красное в бутылки из-под минеральной воды. Было, было такое.

Другой.

Нагорная проповедь: митинг. Апостол брякнет, а Иисус разовьёт. Власти беспокоятся. Иисуса арестовали. Ученики, конечно, улизнули.

Пётр.

Враньё. Никуда мы не девались. Сморило после ужина. Целый день не жрамши. Шли, стомились маленько. А вина-то дохренища. Дешёвого, полусладкого. И только четыре рыбки, воблы вяленых. На столько-то ртов. Вот и развезло-то нас быстро. Выто, барин, всё по французским коньякам небось, от них не развозит. А в саду тогда – плюс тридцать, даже после заката. Ети его мать. В такую жару разве устоишь?

Другой.

Блок, вы собирались после всего этого жить?

Автор.

Знаете что? Если на то пошло, современная жизнь есть кошунство перед искусством, современное искусство – кошунство перед жизнью.

Другой.

Эти бредни мы уже слышали. После вашего действительного кощунства, этой пьесы про Иисуса, вы хотели-таки выжить? Пить водку? Занюхивать страусовым веером? Трахать ваших бесчисленных проституток? На что вы надеялись?

Автор.

В самом деле, почему живые интересуются кончающими с жизнью? Большей частью по причинам низменным. Любопытство там. Или просто удовольствие, что у других ещё хуже, чем у тебя. Если люди живут настоящим, они ничем не живут, а так – существуют. Жить можно только будущим. Я хочу сказать, что самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки.

Другой.

Ага. Этого ничего не понял. Не совсем, но на треть хотя бы. Вы бросили вызов Иисусу, чтобы покончить с собой? Чтобы он оторвал Вам голову? Вам показалось, что у Вас больше нет жизненного задания?

Автор.

Почему вы так спрашиваете, мой милый?

Другой.

Когда в Париже мне станет совсем нечего есть, я превращусь в вашего биографа. Жизнь замечательных мудаков. ЖЗМ. Ваша ЖЗМ в моем исполнении получит Гонкуровскую премию, я уверен. Согласитесь, когда твоя мёртвая жизнь получает большую премию – это круче, чем если ты сам. Я обругаю вас. Замечательный – не значит хороший. Вы ни единого пятиалтынного не хороший. Вы воспевали этого монстра, русский народ. И умерли от ужаса, когда ваш народ раздолбал всё ценное, что только было в этой стране. Вы поняли, что такое носить дрова на своём горбу. Мякенький либеральный барич. А за границу вас уже не выпускали. Даже в нашу бывшую Финляндию. Под занавес вы хилым умишком наконец-то поняли, с кем связались. Как тут было не сдохнуть?

Прекрасная Дама.

Вся семья Блока и он были не вполне нормальны – я это поняла слишком поздно, только после смерти их всех. Особенно много ясности принесли попавшие мне в руки письма Александры Андреевны. Это всё – настоящая патология. Первое моё чувство было – из уважения к Саше сжечь письма его матери, как он несомненно сделал бы сам, и раз он хотел, чтобы её письма к нему были сожжены.

Доктор Розенберг.

Никакого самоубийства. Он был христианин. Подострый септический эндокардит.

Иван.

Если всем нам, а по особой части нашему нервно-психическому аппарату, предъявляются всё время особые повышенные требования, ответчиком за которые служит сердце, то нет ничего удивительного в том, что этот орган должен был стать местом наименьшего сопротивления. Для проникновенного наблюдателя жизни, глубоко переживавшего душою всё то, чему его свидетелем Господь поставил. Таким и был Сан Саныч. Такой он и сохранился для нас.

Прекрасная Дама.

Сифилис. Несомненно. Третичный сифилис. Врачи делали Вассермана, но мне не открывали. Чтобы не печалить меня. Эту самую Прекрасную Даму. Постоянные жалобы на озноб, ломоту во всем теле, конечностях, боли в области сердца. Где-то за полгода до смерти – ужасные боли в ногах, одышка. Цинготные опухоли на ногах. Малоокровие. Лихорадочные скачки температуры. Ужасно исхудал. За месяц до смерти – отёки, рвота, боль под ложечкой. Отёки постоянно растут. Очевидная психическая ненормальность, агрессия.

Его погубила семья. Родители. Их дети. Их дворянское вырождение и оскудение крови. Двоюродный брат Александра Александровича – глухонемой. Эта неуравновешенность, крайняя пограничность типов – это их общее свойство. Если установить и взвесить – по-другому отнесёшься ко всем их словам и поступкам. Иначе оценишь Блока среди этой будто любимой им семьи. Которая так часто заставляла его страдать и от которой он порой так беспомощно и так безнадежно рвался. Он вырывался. От них, но не ко мне. В другую сторону. К другой возлюбленной, навсегда.

Андрей.

Сан Саныч умирал несколько месяцев, на глазах у всех, его лечили врачи – и никто не называл и не умел назвать его болезнь. Началось с боли в ноге. Потом говорили о слабости сердца. Перед смертью он сильно страдал. Но от чего же он всё-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то вообще, оттого что был болен весь, оттого что не мог больше жить. Он умер от смерти.

Другой.

Господь наш Пастырь, сколько лишних, никчемных слов всегда вокруг Блока! Мне точно хватит для Гонкуровской премии.

Пётр.

От отчаяния, сука, помер. Так не знал, от чего умереть. Болел цингой, хотя жил не хуже других, болел жабой, ещё чем-то и умер от переутомления. Да и водочки кушал много, а она всегда для усталости хороша. Для смерти – не знаю, а для усталости – самое оно. Особенно если коньяком лакировать, а потом и винищем. Белым, а на вид-то жёлтое! Желтым-желто. В Китае небось это белое они делают. Фейк дринк.

Андрей.

Жёлтый – цвет счастья. Так говорят книжники и колдуны.

Екатерина.

Думали – человек! И умереть заставили. Умер теперь. Навек. Плачьте о мёртвом ангеле. Без зова, без слова, как кровельщик падает с крыш. А может быть, снова пришёл – в колыбели лежишь?

Автор.

Смерть – не трагедия, а просто драма. Умираешь от отсутствия воздуха. Как на подводной лодке. Вся жизнь – подводная лодка накануне аварии. И не успеешь сойти на берег, даже если предупредят.

Хор.

Исполняет «Песни о смерти» (Russian Folk Songs about Death).

(«Свою мрачную могилу всю слезами обольем...»)

Иисус. Пётр. Андрей. Прекрасная Дамы. Красноармейцы. Иван. Автор. Другой.

Почти все падают ниц. Автор закрывает лицо руками. Доктор Розенберг исчезает. Другой садится на стул.

Пётр.

Исус Христос
У ворот стоит
С скотинкою,
С животинкою.
Ой, Боже,
Кому вынется
Тому сбудется,
Не минуется!

Иисус.

Не двенадцать ли часов во дне? Кто ходит днём, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его.

Андрей.

Если уснул, то выздоровеет.

Иисус.

Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему.

Прекрасная Дама.

Господи! Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе.

Иисус.

Лазарь! Выйди вон!

Пауза.

Развяжите его. Пусть идёт.

Андрей.

И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком.

Пауза.

Красноармейцы.

Граждане, вы участвуете в несанкционированном митинге. Статья 20 часть 2 Кодекса об административных правонарушениях.

Андрей.

Это не митинг. Это что-то другое.

Красноармеец.

Это митинг. Расходитесь. Зачем вы разбудили этого вонючего пассажира? Мы так радовались, когда знали, что он помер. Всему району уже надоел. Его с самолёта снимали. Пьяного. Из автобуса выгоняли.хлопоты одни. Бомж последний. С двумя сёстрами жил, так они на порог не пускали. В подъезде ночевал.

Иван.

Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. Имеющий ухо слышать да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти.

Тьма.

Пауза.

Снова свет.

Хор. Автор.

Хор.

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить.
В красной гвардии служить –

Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житьё!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружьё!

Автор.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

Тьма.

Прекрасная Дама. Автор. Доктор Розенберг. Хор. Старуха. Сын. Другой. Пётр. Иван.

Прекрасная Дама.

Зачем тебе понадобился этот театр?

Автор.

Я захотел сделать свой театр. Для будущего. Театр прошлого был полон грязи и интриг, мишуры, скуки и блеска. Собрание людей, умеющих жрать, пить и дебоширить.

Прекрасная Дама.

Зачем ты захотел сделать свой театр?

Автор.

Для тебя. Ты будешь здесь большой актрисой.

Прекрасная Дама.

Полное враньё. Ты никогда не видел меня актрисой. Кармен – другое дело. Так скажешь правду или как обычно?

Автор.

Я скучал по театру Суворина. Который здесь был, ты помнишь. Особенно сигарная комната. Лучшие сигары и виски. Сейчас таких уже не будет. Но когда пощекочешь языком дёсны – этот вкус «Гленморанджи» возвращается. Вместе с приходом. Я не видел у Суворина ни одного спектакля. А зачем? Как делать спектакли, если у тебя в мозгу заветрилось что-то чужое.

Хотя Суворин говорил, что театр – он сам как табак, алкоголь. От него так же трудно отвыкнуть. Я буду привыкать. Стараться привыкать.

Прекрасная Дама.

Там будет много водки? Молдавского коньяку? Как на банкете в честь твоего воскрешения.

Автор.

Много не будет. Нет денег, а со спонсорами туго. Питерские люди стали очень жадны, даром что революция. Ведь у них и так завтра всё отнимут. Или отнимут сегодня к ужину. Чего же не дать на Большой драматический театр? Там будет «Гамлет», любимая.

Прекрасная Дама.

Ты опять хочешь, чтобы я тебе поверила?

Автор.

Послушай, Люба. Ты довела маму до болезни. Ты отогнала от меня людей. Ты создала всю эту сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Ты выталкиваешь от себя и от меня всех лучших – и мою мать. Ты испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь. Хотя ты не дурной человек. Не такой страшный, мрачный, низкий, как весь твой поповский род. Ты – страшное, посланное для того, чтобы мучить и уничтожать земные ценности. Но теперь я уже не могу, не могу с тобой расстаться. Я люблю тебя.

Поцелуй.

Пауза.

Прекрасная Дама.

Ты помнишь, что в той жизни у тебя было 317 женщин? Так сказал Доктор.

Автор.

Нет, нет, чепуха. 317 – это проституток. Не женщин, проституток.

Прекрасная Дама.

А в общей сложности?

Автор.

Сложность не бывает общей. Только частной. Или всеобщей, в конце концов. Ещё одна бывает цветущая. Но кто это придумал, я нынче забыл. Нет. Нет. У меня была только ты. Ты, Люба. И ещё все остальные.

Прекрасная Дама.

Ты ходил к психоаналитику после смерти?

Доктор Розенберг.

Были, разумеется. Изволили. Мы всё обсудили. И я расскажу вам, зачем ему понадобился театр.

Прекрасная Дама.

Да, да, Доктор, мне этого и надо. Не из-за меня же, правда?

Доктор Розенберг.

Как сказать, как сказать. Косвенно – из-за Вас.

Прекрасная Дама.

Ну.

Доктор Розенберг.

Первый невроз Блока: его пьесы никогда не ставились в театрах. Помните «Розу и крест»? Станиславский сначала взялся и бросил. Сбагрил Немировичу, а тот тоже пару месяцев помуржил и отказался.

Прекрасная Дама.

Как же, как же. Я страшно злорадствовала, прости Господи. Саша же делал это для Кармен. Меня словно не существовало на свете.

Доктор Розенберг.

А Станиславский всё унижал моего пациента. То переносил постановку от взрослых актёров в студию. К молодёжи. Которая играть способна ли, – неизвестно. Главный поэт страны – а тут какая-то молодёжь неотёсанная. То морочил голову про смерть Сулержицкого. Дескать, так скорблю, что репетировать не могу. Всё что угодно может репетировать, а Блока – нет.

Прекрасная Дама.

А «Балаганчик»? Мейерхольд тогда с ним провалился. И дальше сторонился Блока. «Истекаю клюквенным соком», припоминаете?

Доктор Розенберг.

Вот именно. Потому Ваш супруг уверовал в собственный театр как панацею. Тем более тут новое начальство подвернулось. Горький, его жена, губернатор, нарком Луначарский. Начальственные имена звучат меднее драматургии.

Прекрасная Дама.

Но это всё же при чём?

Доктор Розенберг.

Как? Что Вы как маленькая? Пьесы-то все были про Вас.

Прекрасная Дама.

С какой стати? Где про меня? Он не спал со мной никогда. А если пытался трахать, то с отвращением, будто жуёт лысую резину. Он мечтал о Прекрасной Даме, но кто она – не знал никогда. Может, и знал, но не про меня, точно. А что он врать королевски умеет... Воображение. На то и поэт.

Доктор Розенберг.

Ну нет, мадам. Вы обостряете без нужды. У него комплекс вины перед Вами. Что не занимался сексом. Не мог кончить. Не стояло на Вас, простите. А как исцелить комплекс? Гиперкомпенсация. Роза и крест.

Хор.

Яблони старый ствол,
Расшатанный бурей февральской!
Жадно ждёшь ты весны...
Тёплый ветер дохнёт, и нежной травой
Зазеленеет замковый вал...
Чем ты, старый, ответишь тогда
Ручьям и птицам певучим?
Лишь две-три бледно-розовых ветви протянешь
В воздух, омытый дождями,
Чёрный, бурей измученный ствол!
Так и ты, несчастный Бертран,
Урод, осмеянный всеми! –
Начнутся пиры и турниры,
Зазвенит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглёр
Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?
Лишь волненьем любви безнадёжной?
О, любовь, тяжела ты, как щит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
Что ж пророчит странная песня?
«Сердцу закон непреложный –
Радость – Странье одно!»
Как может страданье радостью быть?
«Радость, о, Радость-Странье,
Боль неизведанных ран...»

Прекрасная Дама.

Когда мы сошлись, я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла разобраться в Сашиной психологии. Он ведь не человек. Он нелюдь, инопланетянин.

Доктор Розенберг.

Не преувеличивайте, сударыня. Он самый обычный пациент, каких многие тысячи.

Прекрасная Дама.

С первых дней он теоретизировал, что нам и не надо физической близости, что это астартизм, тёмное и чёрт знает ещё что. Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот ещё неведомый мне мир, что я хочу его – опять теории: такие отношения не могут быть длительны, всё равно он неизбежно уйдёт от меня к другим. Зачем же он женился на мне, если не хотел меня? Да ещё так не хотел! Демонстративно, с вызовом.

Доктор Розенберг.

Такому психотипу чужда любовь. Простите за неудачный каламбур, Любовь Дмитриевна. Поэтом становится человек, движимый одним из трёх великих чувств. А) Тщеславие. Б) Тоска. В) Смерть. Сначала он тоскует по настоящей жизни, потом – по настоящей смерти. Ну помните, как там. Сперва – я жить хочу, чтоб мыслить и страдать. А в зрелости – давно, лукавый раб, замыслил я побег. А слава, вот слава – это наше всё. Любой ценой.

Прекрасная Дама.

Разве я дала бы ему славу? У него своей достаточно было.

Доктор Розенберг.

Своей никогда не достаточно, мадам. Это как водка для пьяницы. Много не бывает. Сколько бы ни выпил, всё равно как будто недобрал. А потом не прибедняйтесь. Фамилия «Менделеев» – это не так мало. И не из литературной среды, а, так сказать, от серьёзных людей. Изобретатель той самой водки, к тому. Я забыл, у Вашего папы есть Нобелевская премия?

Прекрасная Дама.

Нет. Не успел. Три раза выдвигали. Говорят, Аррениус какой-то помешал. При дворе шведского короля. Интриги дурацкие, как всегда. Но вы же прекрасно знаете: мы с папой не жили. Мама была замужем за генералом.

Доктор Розенберг.

Для Блока это неважно. Никогда не важно было. Он живёт с брендами, а не телами. Наука называет это brand fucking. Прекрасная Дама – тоже бренд. Не более и не менее того. И Незнакомка. И Кармен. Если даже он спал с певицей, вряд ли это доставило ей удовольствие.

Прекрасная Дама.

Он говорил, что плотская любовь грязная по сути своей. Потому он кончает только с проститутками. Даже с блядами не кончает. Типа... Ну, типа меня тоже. Но про блядей это он потом говорил, ближе к войне. Не вначале. Вначале он не умел так изъясняться. Он всю жизнь боялся мать свою. Александру Андреевну. Под конец её только перестал, и то не вполне.

Доктор Розенберг.

Но теперь-то вы не сомневаетесь, Любовь Дмитриевна, как совершенна плотская любовь. Она как Рафаэлева Мадонна в чаду тосканского заката. Так сказал бы я, если б был хоть немного истероидом, как все поэты. А по части блокова оргазма всё не так. Он просто ничего не хочет делать в постели. Он любит только, когда его трахают, не наоборот. Вот проститутки за деньги ему это и обеспечивали.

Прекрасная Дама.

Обеспечивали? В прошедшем времени? А сейчас...

Доктор Розенберг.

Он только что восстал из гроба. Пока неизвестно. Давайте подождём. А в смысле его секс-пассивности вообще мог бы предположить, что он латентный гей.

Прекрасная Дама.

Латентный что?

Доктор Розенберг.

Не стоит лишний раз повторять, сударыня. В наши времена таких определений не любят. Наш сапог свят, как известно.

Старуха.

Точно, точно. Все бабы у него были мужеподобные. Квадратные какие-то, ни дать ни взять. Проститутки только нормальные. А Любка. На кого похожа-то? На бегемота на задних лапах, вот на кого. Глаза – щёлки, нос – башмак, щёки – подушки. Ужас, ужас. Спина – широ-
ченная, сутулая. Как у грузчика. Голос – бас, чисто извоицкий. Что ноги, что руки – большие и толстые. И внутри неприятная, скверная, точно сломанная чем-то. Круглая дура к тому же. А остальные что – лучше? На остальных хоть не женился, и то хлеб наш насущный. Дай нам сегодня. Прав ты, профессор, педераст он скрытый.

Доктор Розенберг.

Не хотел Вас расстраивать, Любовь Дмитриевна, но похоже и так. Лень на любовном ложе – вторична, а не первична. Так любить несуществующих женщин могут только геи. А существующих – не любить. В привычном смысле глагола, имеется навиду. Вы никогда не думали, почему все модные фотографии – геи? Ну, почти все, я не стану настаивать.

Прекрасная Дама.

Не думала. Не думала совсем. Времени как-то не было. Сначала муж, потом любовники, дальше война, революция.

Доктор Розенберг.

У него и Иисус Христос был двуполой. С женственным восприятием. Иван Алексеич ещё тогда так ругался.

Прекрасная Дама.

Иван Алексеевич?

Доктор Розенберг.

Бунин, Бунин.

Пауза.

Только адепты однополой любви могут воспринимать женскую красоту совершенно абстрактно. Без грана субъективного. 90-60-90. Или 45-30-45. Вы, кстати, не читали Марселя Пруста?

Прекрасная Дама.

Кто это?

Доктор Розенберг.

Любовник одного пианиста. Они приезжали перед войной. С мелодекламацией в Аничковом дворце. В доме пионеров и школьников. Ну да к чёрту их. У Вашего мужа еще один жесточайший комплекс вины перед Вами. Ваш сын.

Прекрасная Дама.

Да-да. Он согласился его принять. Он же не мог иметь детей. И я о нём в прошедшем времени зачем-то. Не может.

Доктор Розенберг.

Надо именно что в прошедшем. Вы же знаете, что у него двое детей? Родились от разных женщин за последний год.

Прекрасная Дама.

Я слышала, но не верила. Я все ещё думаю, что Блок бесплоден.

Сын.

Сын.

Нет, я-то точно сын Александра Александровича. Скрывать всю жизнь приходилось, но знали все. И писатели, и начальство. И Женя Евтушенко всё знал. Как нажрётся – так давай мне завидовать! Вот, мол, ты из самого Блока, а я со станции Зима, из-под снегов сибирских. Хотя ни с какой не со станции, а с обычного Нижнеудинска. Да чего щас считаться, когда все померли!

Пауза.

Женя добрый был. Я никогда не просил у него взаймы. Мне платили за память родителя, немало. Спасибо всем.

Старуха.

Я видела его годовалым ребёнком: прекрасным, суровым, с блоковскими тяжёлыми глазами – тяжесть в верхнем веке. С его изогнутым ртом. Похож – более нельзя. Читала письмо Блока к его матери, такое слово помню: «Если это будет сын, пожелаю ему только одного – смелости». Видела подарки Блока этому мальчику: перламутровый фамильный крест, увитый розами макет Арлекина из «Балаганчика», – подношение какой-то поклонницы. Видела любовь его матери к Блоку. Узнав о его смерти, она, кормя сына, вся зажалась внутренне, не дала воли слезам. А десять дней спустя ходила в марлевой маске – ужасающая нервная экзема от задержанного аффекта. Мальчик рос красивый и счастливый. А тот папа так и остался там – на портрете. Будут говорить «не блоковский» – не верьте: это негодяи говорят.

Сын.

А я не понаслышке знал беспросветность западной жизни. У героя моей новеллы «Шапка по кругу» заветнейшая мечта – стать велогонщиком. Дело, заметьте, происходит в солнечной Италии. Он отказывает себе буквально в куске хлеба, лишь бы накопить лир (у них там лиры) и купить велосипед. Вот наконец она – искомая сумма! Но в кармане – представьте, дырка. Трагедия и отчаяние героя! Соседи – простые люди, такие же, как он, бедняки – пускают шапку по кругу. Обычная, представьте себе, классовая солидарность. Но – тут ещё один поворот сюжета! – потерянные купюры, представьте себе, в самом деле найдены. Слезы наворачиваются на глаза, когда видишь этот безотрадный и страшный мир чистогана!

Доктор Розенберг.

Блока обманул какой-то врач лет 20 назад. Мошенник. Врачи умеют говорить то, что пациент хотел бы услышать. Блок не любит презервативов, потому что их лениво надевать. Самому лениво, а даме не всегда и поручишь. А тут вдруг получилось, что они не нужны. Отсюда весь сифилис. Счастье, что он с вами не спал, милостивая государыня. Власть врача, знаете ли, бывает пострашнее императорской. И даже диктатуры пролетариата. Поставят тебе ложный диагноз – и живёшь с ним всю жизнь, как замороженный. Ни шага вправо, ни влево. А там уже и старость, и даже когда узнал истину, ничего изменить нельзя.

Сын.

И сестра моя жива была в долготу дней. Работала бутафором у папы в театре. На Фонтанке. В Большом, стало быть, драматическом. Сводная сестрица моя. Мы ладили.

Прекрасная Дама.

Саша всё равно тогда читал мне нотации. Какую-то пошлость и гадость, в его духе. Вроде как примет моего ребёнка, но сквозь силу и через губу. А тут ещё мать его – и всё пошло сначала. Я всегда ненавидела самую мысль о материнстве. И даже готова была отказаться от брака, чтобы застраховаться от всякой беременности. И Саша тогда ещё, в самом начале, успокоил меня: ничего не будет. А здесь, и тогда – я безумно захотела этого ребёнка. И точно знала, что будет сын. Похожий на отца. Пажа Дагоберта.

Доктор Розенберг.

Ваш Дагоберт был дурной актёр, согласитесь.

Прекрасная Дама.

Да что Вы, Доктор. Вы просто ничего в этом не понимаете. Актёр превосходный, умный. Мешал ему этот его южный харьковский выговор. Он часто комкал слова.

Доктор Розенберг.

Я видел его Тузенбаха. Он точно изобразил сам себя. Бароном больше, бароном меньше – не всё ли равно! Если хорошо играть себя – актёрское достоинство, то значит, Вы правы и он таки неплох.

Прекрасная Дама.

Вообще говоря, он не был красив. Но тело, тело! Такое удлиненное, гибкое, сильное. Движения молодого хищника. Полная противоположность гипсовому блоку. И какая обаятельная улыбка! Два ровных ряда зубов. Альпийской белизны.

Доктор Розенберг.

Зубы исчезнут от нынешней цинги. В Петрограде уже давно нет ни одного мандарина, не говоря уже о лимоне. А беззубый паж вам не понадобится.

Прекрасная Дама.

Вдруг выяснилось, что и во мне, и в нём бурлит молодая кровь. Я никогда не знала прежде, как это бывает. Ни с одним из любовников и тем более – с Блоком. Саша никогда не был теплокровным животным. Мой отец сказал бы, что такие существа не относятся к классу млекопитающих. А млекопитающие – то же самое, что звери. Мужчина должен быть хоть немного зверем, иначе неинтересно. Даже если ты старуха почти что сорока лет.

Старуха.

Всякая молодая тварь хочет назвать себя старухой. Старость надо ещё заслужить. Она не отдаётся бесплатно.

Прекрасная Дама.

В тот день, после репетиции и обеда, в немногие оставшиеся до спектакля часы, мы сидели в моём маленьком гостиничном номере, на пыльном диванчике. Было уже темно, на потолке горела электрическая лампочка – убогая, простенькая. И в этот прямо момент я захотела стать Венерой Джорджоне. Ну или Тициана, всё равно. Или Олимпией прошловечного Мане. Я сняла с себя всё и распустила свой плащ золотых волос, всегда лёгких, волнистых, холёных. Отбросила одеяло на спинку кровати. Гостиничную стенку я всегда завешивала простынёй, также спинку кровати у подушек. Я протянулась на фоне этой снежной белизны и знала, что контуры тела еле-еле на ней намечаются, что я могу не бояться грубого, прямого света, падающего с потолка. Когда паж Дагоберт повернулся...

Доктор Розенберг.

Александр Александрович не вернётся прямо сейчас?

Прекрасная Дама.

Началось какое-то торжество, вне времени и пространства. Помню только его восклицание: «А-а-а... что же это такое?» Помню, что он так и смотрел издали, схватившись за голову, и только умолял иногда не шевелиться... Сколько времени это длилось? Секунды или долгие минуты? Большого блаженства я не знала ни до, ни после.

Доктор Розенберг.

И вы оставили ребёнка – против ужаса материнства?

Прекрасная Дама.

Я спасовала, я смирилась. Против себя, против всего моего самого дорогого. Томительные месяцы ожидания. С отвращением я глядела, как уродуется тело, как грубеют мои маленькие груди, как растягивается кожа живота. Я не находила в душе ни одного уголка, которым могла бы полюбить гибель своей красоты. Каким-то поверхностным покорством готовилась к встрече ребёнка, готовила всё, как всякая настоящая мать. Даже душу как-то приспособила.

Я была одна, совершенно одна. Мама и сестра – в Париже. И даже свекровь – в Ревеле. Как бы она ко мне ни относилась, она бы помогла. Саша был рядом, но вы же понимаете, что такое его рядом.

Доктор Розенберг.

Как врач скажу вам, что этот ребёнок не мог не умереть. Он не был нужен никому ещё до рождения. Детей нельзя рожать из безысходности. Но если бы он родился – о, тогда бы вы страху натерпелись. Он, такой весь чуждый и нежеланный, точно вырос бы в революционера-головореза. Или наркомана без шансов. И сдал бы вас Чрезвычайной Комиссии, чтобы вселиться в вашу квартиру с подругой-алкоголичкой.

Хор.

Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,

Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

Прекрасная Дама.

Я точно знала, что кто-то из нас умрёт. Сын или я. Гадалка показала мне красное пятно на линии жизни. Но я как будто хотела умереть самой, а не чтобы он. Странно, правда? Я бросилась к докторам. Но к хорошим и почтенным, не таким, как вы. Которые умеют только читать морали и выпроваживать.

Четверо суток длилась пытка. Хлороформ, щипцы, температура сорок, почти никакой надежды, что бедный выживет. Он был вылитый портрет отца. Я видела его несколько раз в тумане высокой температуры. Но молока не было, его перестали приносить. Я лежала: передо мной была белая равнина больничного одеяла, больничной стены. Я была одна в своей палате и думала: «Если это смерть, как она проста...» Но умер сын, а я нет.

Пауза.

Я хотела назвать его Дмитрием. В честь моего отца. Открывателя Периодической системы элементов. Как хорошо жить в периодической системе, где водород никогда не станет теллуrom. Порядок лучше хаоса, хотя по молодости думается иначе.

Доктор Розенберг.

Смотря какой порядок и какой хаос. Некоторые попы думают, что Господь уже давно сожалеет о сотворении мира. Лучше Ему было в одиночестве носиться над водой. Здоровее как-то. Баден-Баден такой себе.

Прекрасная Дама.

Старая наша папина горничная сокрушённо качала головой: кабы барин был жив, не такой бы уход был – папа обожал детей и внуков.

Доктор Розенберг.

Повторюсь: Вам повезло, мадам. Если вас и отдадут в ВЧК, то не ваш кровный ребёнок от пажа Дагоберта. До скорого, Любовь Дмитриевна!

Прекрасная Дама.

Паж Дагоберт был мне самым близким в святом святых моей жизни. В нём жило то же благоговение перед красотой тела и страсть его была экстаична и самозабвенна. Я благодарна Вам и сейчас, на старости лет, паж Дагоберт, никогда этой благодарности не теряла, пусть и разошлись мы так скоро и так трагично для меня.

Старуха.

Ты слишком часто говоришь про старость, самозванка. Если ты страшна и не нужна мужикам, ты ещё не...

Прекрасная Дама.

Что ещё не?

Старуха.

Короче, пьедестал тебе не полагается. Про Сашеньку, моё дитятко, ты написала полную порнографию. После всего, что мы для тебя сделали, химическое отродье.

Прекрасная Дама.

Люби меня, милый Дагоберт.

Другой.

Ты красавица, милая Альдонса. И ты умеешь очаровать. Вот сидят на ступенях они, зачарованные тобою. Ты и меня зачаруешь, хитрая Альдонса?

Прекрасная Дама.

Не зови меня Альдонсою. Я Дульцинея.

Другой.

Все знают, что ты – Альдонса. Но мне всё равно. Я буду звать тебя, как ты хочешь. Меня от этого не убудет.

Пауза.

Кстати, мне на неделях дают заслуженного.

Прекрасная Дама.

Как ты узнал?

Другой.

Луначарский сказал.

Прекрасная Дама.

Сам сказал? Ты ездил в Москву?

Другой.

Он звонил. В театр. Велел найти меня и позвать к трубке.

Прекрасная Дама.

И что надо делать теперь?

Другой.

Ты правильно спросила. Надо служить доверенным лицом Ленина.

Прекрасная Дама.

Прямо доверенным-доверенным? Разве Ленин тебе доверяет?

Другой.

Он меня знать не знает. Надо быть доверенным лицом на выборах во ВЦИК.

Прекрасная Дама.

Ты будешь расстреливать несчастных по темницам?

Другой.

Зачем по темницам? Туда сложно прорываться. Можно на улицах, на площадях, мостах. Особенно ночью, когда снег и ничего не видно. Когда разгребают снег и плоскости лопат закрывают зрение.

Прекрасная Дама.

И меня ты тоже расстреляешь?

Другой.

Зачем ты об этом? Мы познакомились на Победе Смерти. Раньше или позже – не всё ли равно.

Прекрасная Дама.

Бароном больше, бароном меньше, – не всё ли равно.

Другой.

Что это?

Прекрасная Дама.

Так говорит Доктор. И ты тоже когда-то говорил.

Другой.

Я?

Прекрасная Дама.

Ты. Ты забыл.

Другой.

Ты же расстреляла моего сына.

Прекрасная Дама.

Нашего. Нашего сына. Я его родила.

Другой.

Он должен был стать сыном Блока. При чём здесь я?

Прекрасная Дама.

Ты можешь только играть, как всякий актёр. Сын не достался бы тебе никогда.

Другой.

Мы же больше не любим друг друга, правда?

Прекрасная Дама.

Правда. Ни грамма, ни миллиметра. Ни капли. Ни маковой росинки. Не любим.

Долгий поцелуй.

Тьма.

Свет.

Автор. Прекрасная Дама. Голос из хора.

Автор.

Да, ты спрашивала, зачем мне театр. Мы сыграем Гамлета?

Прекрасная Дама.

Тогда текст. Дай мне текст.

Автор.

Текст? Зачем? Нам нужна музыка, а не текст. Музыка как святой дух. Дышит где хочет. Ей не нужен свет, она может изливаться во тьме. Это особенно важно при дефиците электричества.

Прекрасная Дама.

Мне опостылела твоя музыка. Мне необходим текст.

Автор.

Музыка предшествует всему. Для неё не нужны глаза и руки. Только человек, состоящий целиком из уха и носа. Ушедший от Ван Гога и ассесора Ковалёва сразу. Как Колобок из страшной волшебной сказки. Гамлет такой и есть.

Прекрасная Дама (в изнеможении).

Текст. Дайте текст.

Автор.

Кто научил тебя этому?

Прекрасная Дама (не покидая изнеможения).

Доктор.

Автор.

Доктора давно пора убрать. У нас больше нет на него денег.

Прекрасная Дама.

И никогда не было. Он служит бесплатно. Из жалости ко мне.

Голос из хора.

Текст. Дайте текст.

Автор.

Хорошо. Пусть текст.

Обрушивается снег.

Дальше они читают по снегу.

Гамлет. Офелия. Другой. Хор. Автор. Доктор Розенберг.

Гамлет.

Самый интересный вопрос, конечно: быть или не быть. Пошловато, но точно. Принцип банальности Гамлета: банальность плоха всем, кроме одного – она верна. Нет, верна не мне, верна вообще. Она есть истина. Другими словами, надо ли продолжать грёбаную жизнь и выносить все её унижения и принижения. Или восстать против жизни, насобирать себе на жопу неприятностей и со всей этой ерундой покончить – погибнув в бою, как заслуженный воин. Один миг, один сон – и ты свободен от всего этого невыносимого бремени жизни. От океана

дерьма. Плавать в том океане или выйти на берег смерти? Или всё подводная лодка и сойти невозможно? Пока лодка не решит всплыть сама, не спрашивая тебя. Нет, умереть – это всё же перебор. Надо просто уснуть. И видеть сны. Я не хочу умереть, я хочу не быть, как говорила моя Кармен. Тогда не надо больше сносить ничего. Ни свинорылое начальство, только и жаждущее на тебе оттоптаться, чтобы самоутвердиться за счёт поэта. Ни показного презрения богатых уёбищ, искренне верящих, что украденные ими деньги они себе заслужили. Ни этот невменяемый народ, которому всё по фигу, лишь бы только у него окончательно всё отняли. Даже то, чего никогда и не было. А ничего никогда и не было, самое любознательное. Только народу это не объяснишь. Когда его перестаёшь оскорблять, в нём отчего-то пробуждается варварская гордость. Твою мать. И не будет больше моря водки, слава Тебе, Господи. И исчезнет наипростейшее – любовь. Любовь безответная – горе как плохо. Но разделённая, взаимная, – ужасней ещё в сотню раз. Во сне нет любви, я уверен.

Но разве я могу быть уверен? Что за чертой смертного сна? Если бы знать, тогда решение сразу – не быть. Одним ударом. Несущим забвение или славу, не всё ли равно. Чтобы решиться, надо не думать. Но не думать невозможно. Вот где беда. Мысль размывает любое решение. Как чахоточная бледность – морозный румянец. Кажется, я опять впадаю в пафос. А пафос – эссенция пошлости.

Пауза.

Тихо, болван. Кончай бормотать. Она уже здесь.

Громко.

Офелия, ты же нимфа. А нимфам свойственно молиться. Помолись, пожалуйста, по вопросу об отпущении моих грехов. Ты же знаешь, как.

Офелия.

Мой добрый Гамлет, как ты поживал все дни, пока меня не видел?

Гамлет.

Я? Вроде всё хорошо. Трижды хорошо. Спасибо, что спрашиваешь. Меня уж давно никто не спрашивал.

Офелия.

Мой милый. Я собиралась... я хочу вернуть тебе твои подарки. Вот кольцо «Ван Клиф». А вот часы «Вашерон». Здесь ещё что-то. Если можно, забери их прямо сейчас. У тебя есть карманы? Ты снова оделся, как станционный смотритель. Разве что без дырки в голове.

Гамлет.

Разве у смотрителя есть дырка в голове? Тогда через неё он и смотрит, наверное. Вот почему так хорошо всё видит. При нём никто не попадёт под поезд. Даже твоя сестра Анна. Но я не буду брать никаких подарков, потому что ничего тебе не дарил. Я жаден донельзя, ты знаешь. Что я мог такого дарить?

Офелия.

Нет, ты не жаден. Ты просто панически боишься разориться. Это синдром голодного детства. Принцы часто бываю нищими. Но мне – ты дарил. Тебе это было почётно. Ведь ты

прежде не видел столь эффектной дамы, как я, не правда ли? Хотя главное – ты дарил мне свои слова. Я ничего подобного никогда в жизни не слышала. Слова были страстнее материальных подарков. Я думала, что это любовь. А оказалось – тщеславие. Не любовь. Зачем мне дары тщеславия? Они были мертвы с самого начала. Возьми всё назад.

Гамлет.

Скажи, а вот ты действительно считаешь себя честной?

Офелия.

Что ты имеешь в виду?

Гамлет.

И ведь красивой тоже считаешь?

Офелия.

Что ты хочешь сейчас сказать? Какую-то гадость, в твоего Высочества духе?

Гамлет.

Выбирать надо одно. Или честная, или красивая. А то будет как в анекдоте про обезьяну: что мне теперь, разорваться, что ли?

Офелия.

Прости, а могу я быть честной и красивой одновременно? Ты разрешаешь?

Гамлет.

Да, конечно. Просто красота скоро победит честность. И превратит всё это в полное блядство. А для честности красота – плохая служанка. Это не парадокс. Это доказано.

Пауза.

А я ведь любил тебя на самом деле.

Офелия.

Когда?

Гамлет.

Когда-то. До революции.

Офелия.

Да, сволочь, ты заставил меня этому поверить.

Гамлет.

Если б ты не была полной дурой, ты бы мне не верила. К этой греховной плоти добродетель не пришьешь никакими словами. Хорошо. Я тебя не любил.

Офелия.

Значит, я была полной дурой. Я обманулась.

Гамлет.

Ты можешь идти в театр. И умереть там, если сможешь. Но лучше иди в монастырь. Зачем тебе рожать этих маленьких пидарасов? Я достаточно честен. Я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать меня не родила. Да, я очень горд, я мстителен, я тщеславен. Я совершил больше преступлений, чем мог бы описать, даже осознать. А сколько ещё всякого говна в моём воображении! К чему таким чувакам, как я, ползать между небом и землёй? Мы все отъявленные подлецы. Никому из нас не верь. Никогда. Ступай своим путём в монастырь. Где твой отец?

Офелия.

Кажется, он дома. А что? Зачем тебе мой отец? Ты хочешь убить его?

Пауза

Гамлет.

Запри его дома и никуда не выпускай. Отними телефон и отруби Интернет. Так он совершит куда меньше глупостей. И тогда – тогда – его не убьют. Даже я.

Офелия.

Господи, Господи, помоги этому сумасшедшему!

Гамлет.

А если ты соберёшься выходить замуж, я подарю тебе на свадьбу моё Гамлетово проклятие. Будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, – не избежишь клеветы. Так что ступай в монастырь, пока не поздно. Прощай. Или, уж если ты непременно хочешь выйти замуж, выходи за дурака. Умные люди слишком хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь иди! И поскорее. Не откладывай. Прощай, дурында.

Офелия.

Я не знаю, можно ли ещё его вылечить. Есть ли врачи, которые согласятся этим заниматься.

Гамлет.

Слышал я и о вашей живописи: Бог вам дал одно лицо, вы себе делаете другое; ваша походка смахивает то на джигу, то на иноходь; вы жеманно произносите слова, даёте прозвища божьим созданиям и своё распутство выдаёте за наивность. Ну вас, я больше не хочу говорить об этом, я и так на грани безумия. Я заявляю, что у нас больше не будет браков. Те, которые уже вступили в брак, будут жить все, кроме одного, а другие пусть остаются в настоящем своём положении. В монастырь ступай!

Уходит.

Офелия.

Боже. Какой талант мы потеряли! Ведь всё было при нём. При этом несчастном. Голливудская внешность, театральный язык, бархатный баритон. А как он одевался – пока не двинулся головой! Что-то между Сен-Лораном и Ямамото. Я завидовала. Но не ему, а себе, что у меня, оказывается, может быть такое. Он был машиной. Но машина сломалась. От плохого топлива или ещё от чего. Мотор треснул. Его не собрать. Врачи не помогут. Здесь всё необратимо. Распад личности, как учили меня в реформатском колледже. Он был надеждой поколе-

ния, а превратился в ржавый костыль. Но он, должно быть, счастлив. Сумасшедшие все счастливые. Ведь они как-то умеют быть и не быть одновременно. Одним боком вроде живёшь. А другим – закрыл жалюзи, и ничего вокруг уже нет. Shutters on the beach. Сон как смерть, только при жизни. Он счастлив. И все остальные – тоже. Кто завидовал ему смертным боем. Несчастлива только я. Я только думала, что он меня не любил. А теперь знаю. И для чего мне было это узнавать? Для чего?!

Разбрасывает бриллиантовые подарки.

В монастырь, в монастырь!..

Другой.

Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
с робким взором ребёнка.
Кто-то пел
звонко.

Вдруг
он сказал, преисполненный муки,
побеждая испуг,
взявши лампу в дрожащие руки:
«Се дарует нам свет
Искупитель,
я не болен, нет, нет:
я – Спаситель...»

Так сказав, наклонил
он свой лик многотумный...
Я в тоске возопил:
«Он – безумный».

Хор.

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
На ней было белое платье,

Венок был приколот из роз,
Она на святое распятие
Смотрела сквозь радугу слез.
Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.
Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Из глаз ее горькие слёзы
Ручьём потекли на лицо.
Я слышал, в толпе говорили:
«Жених неприглядный такой,
Напрасно девицу сгубили».
И вышел я вслед за толпой.

Пауза.

Автор.

Я шёл во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духов.
За думой вслед лилися трель за трелью,
Напевы звонкие пернатых соловьёв.

Голос из хора.

И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шёл во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

Пауза.

Автор.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? – Бог весть!
Ты твёрдо знаешь: в книгах – сказки,
А в жизни – только проза есть.
Но для меня неразделимы
С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм весёлых огоньки.

Прекрасная Дама.

Мы были уже в костюмах Гамлета и Офелии, в гриме. Я чувствовала себя смелее. Венок, сноп полевых цветов. Распущенные напоказ волосы – ниже колен. Весь тот самый плащ золотых волос имени Дагоберта. Блок в чёрном берете, колете, со шпагой. Мы сидели за кулисами в

полутайне, пока готовили сцену. Помост обрывался. Блок сидел на нём, как на скамье, у моих ног, потому что табурет мой стоял выше, на самом помосте. Я впервые за годы смотрела в его глаза. Мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора. Этот, может быть, десятиминутный разговор и был нашим романом поверх актёра, поверх вымуштрованной барышни, в стране чёрных плащей, шпаг и беретов, в стране безумной Офелии, склонённой над потоком, где ей суждено погибнуть.

Другой.

После смерти Блока был найден важный, по-видимому, для него и почти секретный документ. Он года два пролежал в камере хранения на Витебском вокзале. Некоторые называли его последним посланием Блока, хотя это не было завещанием. Удручено и поручено оно было двум мужчинам – мне и доктору Розенбергу.

Доктор Розенберг.

О вы, люди, считающие или называющие меня злонравным, упрямым или мизантропичным – как вы несправедливы ко мне, ведь вы не знаете тайной причины того, что вам кажется. Моё сердце и разум с детства были склонны к нежному чувству доброты, и я даже всегда был готов к свершению великих дел. Но подумайте только: вот уже 6 лет я пребываю в безнадёжном состоянии, усугублённом невежественными врачами. Из года в год обманываясь надеждой на излечение, я вынужден признать, что меня постиг длительный недуг. Его излечение может занять годы или вообще окажется невозможным.

Обладая от природы пылким и живым темпераментом и даже питая склонность к светским развлечениям, я вынужден был рано уединиться и вести одинокую жизнь. Если же иногда я решался пренебречь всем этим – о, как жестоко загонял меня назад мой ослабевший слух, заставляя скорбеть с удвоенной силой. И я всё-таки не мог сказать людям: «Говорите громче, кричите, ведь я вас не слышу, не слышу», – эх, разве мыслимо мне было признаться в слабости того чувства, которым я должен был обладать в большем совершенстве, чем кто-либо другой, в чувстве, которым я некогда обладал в наивысшей степени совершенства, такого совершенства, каким, я уверен, наделены или были наделены лишь немногие люди моей профессии. Нет, это выше моих сил, и потому простите меня, если я удаляюсь от вас, когда мне хотелось бы побыть в вашем кругу.

Другой.

Моё несчастье причиняет мне двойную боль, поскольку из-за него обо мне судят ложно. Для меня не должно существовать отдохновения в человеческом обществе, умных бесед, взаимных излияний; я обречен почти на полное одиночество, появляясь на людях лишь в случае крайней необходимости; я вынужден жить как изгой. Ведь стоит мне приблизиться к какому-нибудь обществу, меня охватывает жгучий страх: я ужасно боюсь, что моё состояние будет замечено. Так было и эти полгода, которые я провёл в Шахматове. По требованию моего благоразумного врача я должен был елико возможно щадить мой слух. Это почти совпало с моей теперешней естественной склонностью, хотя иногда, увлекаемый потребностью в обществе, я позволял себе уступить искушению. Но какое же унижение я испытывал, когда кто-нибудь, стоя возле меня, слышал вдалеке звук флейты, а я ничего не слышал, или он слышал пение пастуха, а я опять-таки ничего не слышал.

Доктор Розенберг.

Такие случаи доводили меня до отчаяния, и недоставало немногого, чтобы я не покончил с собой. Лишь оно, искусство, оно меня удержало. Ах, мне казалось невыносимым покинуть мир раньше, чем я исполню всё то, к чему чувствовал себя предназначенным. И так я

продолжал влачить эту жалкую жизнь – поистине жалкую для столь восприимчивого существа; ведь любая неожиданная перемена была способна превратить наилучшее расположение моего духа в наихудшее. Терпение – так отныне зовётся то, чем я должен руководствоваться. У меня оно есть. Надеюсь, что я смогу надолго утвердиться в моей решимости, пока Господу не будет угодно перерезать нить. Возможно, станет лучше, возможно, нет – я готов ко всему.

Прекрасная Дама.

Офелия, моя Офелия, как только я умру, попросите от моего имени доктора Розенберга, если он будет ещё жив, чтобы он описал мою болезнь, и приложите к истории моей болезни этот написанный мною лист, чтобы общество, хотя бы в той мере, в какой это возможно, помирилось со мною после моей смерти.

Доктор Розенберг.

Что значит – если доктор будет жив? Я каждое утро в фитнес-клубе. В подвалах Генерального штаба. Проплываю в бассейне 3 километра. Не пью водки, ни коньяка и не сплю с проститутками. Я помру после Второй мировой войны, если она когда-нибудь случится.

Пётр.

А если не случится, барин?

Доктор Розенберг.

Значит, никогда не умру. Животное. А ещё апостол. Пойди проспись.

Пётр.

Эх... Без креста.

Автор.

Итак, решено. С радостью спешу я навстречу смерти. Если она придёт раньше, чем мне представится случай полностью раскрыть свои способности в искусстве, то, несмотря на жестокость моей судьбы, приход её будет всё-таки преждевременным, и я предпочёл бы, чтобы она пришла позднее. Но и тогда я буду доволен: разве она не избавит меня от моих бесконечных страданий? Приходи, когда хочешь, я тебя встречу мужественно. Прощайте и не забудьте меня совсем после моей смерти, я заслужил это перед вами, так как при жизни часто думал о вас и о том, как сделать вас счастливыми; да будет так.

Иван.

В те дни люди будут искать смерти. Но не найдут её. Пожелают умереть, но смерть убежит от них.

Прекрасная Дама.

Ты думал, но не мог.

Автор.

Я покидаю тебя – и покидаю с печалью. Да, надежда, которую я возлелеял и принёс сюда с собой, надежда на хотя бы частичное исцеление – она вынуждена теперь покинуть меня. Как падают с деревьев увядшие листья, так и она для меня увяла. Я ухожу почти в таком же состоянии, в каком встретил тебя в Шахматове. Даже высокое мужество, вдохновлявшее меня в прекрасные летние дни, кануло в небытие. О Провидение, ниспошли мне хотя бы один день

чистой радости! Ещё один день. Первый был, как я закончил «Двенадцать». Тогда я был гений. Одни сутки был гением. Потом перестал. Но был, был!

Прекрасная Дама.

Вот видите.

Пётр.

А я вот бывал счастлив при Сан Саныче, был. Особенно когда сирийская Библия... Надо выкупить её из бара. Но деньги кончились. Скоро выкуплю. Выкупим. Я у ребят займу. Займу, не откажут они Петрухе, мать их ети.

Бетховен – Афинские руины.

Звучит Увертюра и хор «Афинские руины» Людвиг ван Бетховена (Beethoven, The Ruins of Athens, Op. 113 – Overture and Chorus).

Автор.

Вдали военный марш и крики. Что это за воинственные звуки?

Звучит марш из оперы Джузеппе Верди «Аида».

Другой.

Молодой Фортинбрас, с победой вернувшийся из Польши, воинственным салютом приветствует английских послов.

Автор.

О, я умираю, Горацио. Могучий яд торжествует над моим духом. Я не доживу, чтобы услышать известия из Англии. Я предсказываю, что выбор падёт на Фортинбраса. Умирая, я подаю свой голос за него. Бюллетень с моей синей подписью. И мокрой печатью комиссии. Скажи ему об этом, а также обо всех событиях, больших и малых, которые привели к такому концу. Дальше – тишина.

Андрей.

Мы проходили с ним по Дворцовой площади и слушали, как громяхают орудия.

Автор.

Для меня и это – тишина. Меня клонит в сон под этот грохот. Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.